

Ли Гуанцзуну шёл четырнадцатый год — по местному обычаю говорили, что ему четырнадцать, а после Нового года — пятнадцать, хотя на самом деле до его четырнадцатого дня рождения оставалось ещё два месяца. В современном мире он был бы лишь девятиклассником, но мужчины из рода Ли славились добрыми генами. Ли Да, Ли Эр и Гу Чжао — все были статными, ростом от ста восьмидесяти трёх до ста восьмидесяти пяти сантиметров, не говоря уже о Чжоучжоу.

Гуанцзун, хоть и не вошёл ещё в полную пору, ростом почти догнал Чжоучжоу и вымахал под метр восемьдесят. Но каким бы рослым он ни казался, за обликом взрослого парня всё ещё скрывался ребёнок. Прodelать такой путь из областного центра в метель и лютый холод... По словам мальчика, он сбежал ещё до рассвета: ночью открыл заднюю дверь и прокрался вслед за тележкой, вывозящей нечистоты.

А всё потому, что младший дядя пригрозил: «Раз по-хорошему не понимаешь, выправим тебе характер палкой».

Гуанцзун был напуган до смерти. Он показывал матери руками:

— Я видел ту палку, матушка! Вот такая толстая, широкая... Он и вправду хотел меня избить!

— Будь он проклят, этот Ли Чжэнжэнь! — в сердцах выкрикнула Лю Хуасян. — Ли Эр, ты только посмотри: вот каков твой драгоценный братец! Тьфу!

Она с болью смотрела на сына.

— И правильно сделал, что сбежал. Наш Гуанцзун смыслённый, а иначе сложил бы голову в том волчьем логове.

Лю Хуасян продолжала костить деверя на чём свет стоит. Женщина хотела было ласково коснуться лица ребёнка, но тот вздрогнул от боли. Увидев следы от ногтей — дело рук жены Ли Чжэнжэня, — Лю Хуасян заскрежетала зубами.

— Тварь ядовитая! Сердце чёрное, нутро гнилое... Так изуродовать парня! Ли Эр, гляди, во что эта шлюха превратила лицо нашего сына!

— Завтра же запрягай волов, едем в город! Я этой дряни сама патлы повыдираю!

В горнице крик стоял до небес. Ли Эр не перечил жене — он и сам понимал, что младший брат заслужил каждое бранное слово.

Ли Чжоучжоу тем временем разжёл печь и сварил целый котелок имбирного отвара на тростниковом сахаре. Он принёс огромную кружку, от которой валил пар.

— Гуанцзун, выпей сначала имбирного чаю, надо жар прогнать, чтобы не занемог со стужи.

— Да-да, пей, сынок, скорее пей, — Лю Хуасян приняла кружку. Увидев, что отвар сдобрен сахаром и не жалея положен имбирь, она в душе была глубоко благодарна Чжоучжоу.

Мальчик прильнул к кружке, не обращая внимания на кипяток, и сделал большой глоток. Мать испугалась, запричитала, прося пить помедленнее. Сын пил и плакал:

— Матушка, как же сладко... Меня там голодом морили, совсем не кормили, а работать заставляли с утра до ночи. Стоило мне сказать, что есть хочу, тётка кричала, что я обжора, и велела воды побольше хлебать, чтобы брюхо набить...

Лю Хуасян слушала, и слёзы едва не капали из её глаз. Она то шептала слова жалости сыну, то проклинала «ядовитую ведьму».

— Ли Эр, ты слышишь? Сколько зерна мы каждый год отдавали Ли Чжэнжэню, а в итоге наш Гуанцзун и миски риса не заслужил? Что обещал твой брат? Что пела старая госпожа? Мы им зерно везли, а они за каждый вэнь удавиться готовы! Я перед ними улыбку натягивала, волов не жалела, а всё ради чего? Обещали выучить Гуанцзуна счетоводству, пристроить в городе... И вот каков итог!

— Столько лет мы им возили лучший рис, чистый, зёрнышко к зёрнышку! И что, для нашего сына горсти не нашлось?

Гнев сдавливал грудь Лю Хуасян, не давая дышать. Ли Эр слушал, и лицо его становилось всё мрачнее.

Гу Чжао, глядя на подростка, понимал: голод и побои — дело верное, но должен был быть какой-то последний повод для побега.

— Гуанцзун, а за что именно тебя ударили?

Мальчик сжался, пряча лицо в кружке с отваром.

— Говори как есть, — мягко, но твёрдо добавил Гу Чжао. — Иначе завтра твои родители приедут в город и всё равно всё узнают.

Сын наконец поднял лицо. Слёзы градом катились по его щекам, он всхлипывал от обиды:

— Я не нарочно... Я просто проголодался так, что мочи не было! У них на столе мясо было, а бабушка всё отдала младшим брату и сестре. Стоило мне палочки к тарелке протянуть — меня по рукам ударили. Я так есть хотел, что... решился украсть денег.

Об этом Гуанцзун солгать не посмел.

В ноябре, когда полевые работы закончились, семья Ли Эра отвезла зерно в город. Путь был нелёгким: ночевали под стенами города, почти не смыкая глаз, боясь, что лихие люди зерно умыкнут. Едва ворота открылись — заплатили пошлину и въехали.

Ли Чжэнжэнь встречать их не вышел. Ли Эр каждый год возил ему зерно, а в итоге выглядел как бедный родственник, пришедший побираться. Ему приходилось терпеть косые взгляды и насмешки; вся семья брата так и сквозила превосходством, презирая «деревенщину».

Раньше они отговаривались тем, что племянник мал, мол, учиться ему рано, подождите пару лет. Но в этом году родители решили больше не ждать. Они ведь не дураки: парню скоро четырнадцать, не после женитьбы ему в город ехать. Вот и привезли его с собой.

Ли Чжэнжэнь сразу смекнул, что к чему. Видя решимость брата, он сам предложил оставить мальчика — мол, пусть попробует, поучится. Ли Эр и Лю Хуасян расцвели от благодарности, даже при расчёте скинули сто вэней, надеясь, что тот будет учить Гуанцзуна на совесть.

Но стоило им уехать... Первые два дня, по словам мальчика, кормили ещё сносно, спать положили в одну комнату с младшим двоюродным братом. А через неделю тётка заявила: «В поле ты не горбатишься, сил не тратишь, к чему тебе столько еды? Лишний расход зерна. Хватит с тебя и одной миски в день». Потом младший брат стал капризничать — мол, спит племянник шумно, мешает ему книги читать. Так Гуанцзуна выселили в дровяной сарай.

Слушая это, Лю Хуасян едва не зашлась в крике. Она видела те миски в доме деверя — меньше её ладони! Одной такой она бы и сама не наелась, что говорить о растущем сыне, который дома по две огромные чаши уплетал?

Да и сарай она помнила: крыша дырявая, плитка протекает, ветер гуляет. И в такие холода её ребёнок спал там? Как скотину его держали?

— ...Дрова я колол, вставать приходилось затемно, чтобы стуком младшего брата не разбудить. И воду таскал, и нечистоты выносил, и посуду после всех мыл, и одежду...

Дома Гуанцзун разве что дрова изредка колол. Раньше всё делал Син-гэ'эр: и свиней кормил, и траву резал, и готовил. Потом, когда Син-гэ'эр замуж вышел, все заботы легли на Лю Хуасян. Подросток помогал только в самую страду — в деревне ребята за половину взрослого работника считаются.

Ли Эр спросил угрюмо:

— А счёты? Младший дядя учил тебя?

— Учил, — честно ответил сын.

Лю Хуасян немного перевела дух. Раз учил, значит, не совсем зря время тратили. Но мальчик продолжил:

— Дядя днём в трактире работает, возвращается поздно. Раз в четыре-пять дней покажет мне пару иероглифов, и всё. Говорил, что я неграмотный, надо сначала буквы выучить. А потом стал называть меня тупицей и сказал, что до счётов я ещё не дорос.

— Брешет он, пёс шелудивый! — Гнев Лю Хуасян вспыхнул с новой силой. — Мой сын с детства смышлёный был! Ли Чжэнжэнь просто не хотел его учить, вот и всё. Пять дней — пара букв? Чему так научишься? Сам его работой завалил, когда парню за книги садиться?

Она вспомнила Гу Чжао — деревенские болтали, что тот днями из книг не вылезает. Пусть, мол, таланта нет, но хоть старается. А её Гуанцзун умный, он бы быстро всё схватил, если бы время было!

Лю Хуасян была вне себя, но вслух про Гу Чжао ничего не сказала. Всё же они были в доме Ли Да, а её сын пил отвар, сваренный Чжоучжоу. Она понимала, что со всеми ссориться нельзя. Оставалось только проклинать деверя.

За четыре месяца Гуанцзун выучил лишь цифры от одного до десяти. Счётов он и в глаза не видел, зато в доме дяди пахал как наёмный батрак. На Новый год Ли Чжэнжэнь закатил пир, но племянника за стол не пустил. Положили ему в миску овощей да две косточки с остатками мяса и велели в сарае обедать. Все праздничные дни в доме пахло жареным, дети ели сладости и мясо, а подросток только аромат вдыхал. Стоило ему на что-то взглянуть, как бабушка ворчала: «Взрослый уже, уступи младшим».

— А потом я увидел, где тётка деньги на продукты берёт... И взял немного. Купил себе мясных пампушек на улице, а когда вернулся — они сразу поняли, что я деньги взял...

— Тьфу! Какая же это кража? Твой отец этому прохвосту сто вэней скинул, считай — твои деньги и были! — Лю Хуасян не желала слушать оправданий. С чего это выродки Ли Чжэнжэня должны мясо жрать, а её сын — слюну глотать?

Дальше всё стало ясно. Жена дяди, уцепившись за этот проступок, решила «преподать урок». Те полосы на лице Гуанцзуна были от её ногтей. А ночью он подслушал разговор: Ли Чжэнжэнь грозился «выправить характер» племянника палкой. Испугавшись, что его забьют до смерти, парень сбежал.

Допив имбирный чай, Гуанцзун наотрез отказался возвращаться в город. Сказал, что не нужно ему это счетоводство, лучше он в поле будет работать. Силы у него много, усталости он не боится, зато всегда будет сыт.

Лю Хуасян в душе кипела от ярости. Про учёбу она пока помалкивала, но решила твёрдо: так это дело не оставит.

Ночь была уже глубокой. Ли Эр увёл сына домой — согревшегося и разомлевшего после чая. Уходя, он вежливо поклонился брату:

— Спасибо, старший брат, что приютил Гуанцзуна.

— Приглядывайте за ним, натерпелся парень, — махнул рукой Ли Да. Для него это было делом естественным — племянник всё же.

Ворота заперли, все разошлись по своим местам.

Ли Чжоучжоу и Гу Чжао лежали на кане, но сон не шёл. Масляную лампу зажигать не стали — берегли масло. Только лунный свет, отражаясь от снега, слабо пробивался сквозь бумагу окон.

— Сяньгун, как думаешь, сможет ли вторая тётушка в городе за Гуанцзуна заступиться?

— Думаю, ничего у неё не выйдет. Только злости наберётся, — ответил Гу Чжао.

Чжоучжоу приподнялся на локте, глядя на мужа.

«Это почему же?»

— Тётушка ведь женщина бойкая. Если кто Гуанцзуна обидит — она и день напролёт ругаться может.

— Дело не в том, переспорит она жену Ли Чжэнжэня или нет, — Гу Чжао поправил одеяло на муже, чтобы тот не застудился. — Слушай внимательно. Лю Хуасян — обычная деревенская женщина. Она привыкла решать дела по-простому, криком да силой, и в этом ей равных нет. Но они едут на чужую территорию. Ли Чжэнжэнь всё же человек грамотный, он умеет говорить так, чтобы выставить себя правым, а других — виноватыми. Смотри сам: Ли Чжэнжэнь принял племянника в дом? Принял. Кормил-поил? Кормил. Учил? Учил.

Чжоучжоу кивнул.

— В городских лавках помощники либо имеют связи, либо терпят нужду и побои, работая

бесплатно и изнурительно, лишь бы выучиться ремеслу. То, что Гуанцзун трудился в доме Ли Чжэнжэня, тот легко оправдывает — скажет, что закалял характер парня. Да и разве он его не учил?

Чжоучжоу снова кивнул — десять цифр за четыре месяца.

— Вот видишь. Приютит, кормил, учил, обещал в будущем место найти... А что Гуанцзун сбежал — так это он сам слабаком оказался, тягот учёбы не вынес. А самое главное — Гуанцзун украл деньги.

— Но ведь тётушка скинула ему целых сто взней! — возразил Чжоучжоу.

Гу Чжао вздохнул:

— То была её воля, она просила об одолжении. А кража — дело иное. Если Ли Чжэнжэнь заявит в управу, Гуанцзуна могут и палками наказать по закону. В городе это его земля. Ли Эр и Лю Хуасян там и шагу не ступят без опаски, а Ли Чжэнжэнь там годы прожил, связи в трактире завёл. Ему и знакомства не нужны — одного слова «кража» хватит, чтобы твоих дядю и тётю до смерти напугать. Чего доброго, тётушке ещё и приплатить придётся, чтобы дело замять. А ведь там ещё старики — дедушка с бабушкой. Хоть и разделили имущество, но они-то на стороне Ли Чжэнжэня. Станут кричать о непочтительности, припомнят, что Ли Да им зерно за деньги продаёт...

На сердце у Чжоучжоу стало горько. Как же так? Выходит, Ли Чжэнжэнь кругом прав, а его дядя с тётей — виноваты?

— Но ведь это несправедливо! Ли Чжэнжэнь поступил подло! — в голосе Чжоучжоу слышались слёзы.

Гу Чжао ласково погладил его по спине. Он понимал, что эта история задела старую рану мужа. Его Чжоучжоу был человеком доброй души, терпеливым, но если дело касалось несправедливости — переживал глубоко. К семье Второго Ли они относились ровно, а вот Ли Чжэнжэня Чжоучжоу и Ли Да по-настоящему ненавидели. Слишком много боли тот причинил.

Но говорить об этом в деревне было нельзя. Во-первых, приличия: старики живут с Ли Чжэнжэнем, и если начнёшь поминать смерть отца Чжоучжоу — скажут, что ты на родителей зло затаил. К тому же, Ли Чжэнжэнь его не убивал. Во-вторых — толку ноль, только сплетни плодить. Для деревенских деверь — человек почтенный, городской, богатый. Против него и слова не скажешь.

Потому Ли Да и Чжоучжоу молчали годами, пряча обиду глубоко внутри. Те, кто знал их ближе — как Чжу Лаосы, — понимали: между братьями пролегла пропасть, которую не засыпать.

— Истинно так, он поступил дурно. Обидел племянника, обманул брата, — прошептал Гу Чжао.
— Не печалься.

Чжоучжоу немного успокоился.

— И что же, совсем ничего нельзя сделать?

Гу Чжао задумался:

— Смотря чего хотят твои дядя и тётя: вернуть деньги или просто душу отвести. Но главное — Гуанцзун больше не должен туда возвращаться. Если они пойдут к Ли Чжэнжэню с просьбой продолжить учёбу — они уже проиграли. Будут стоять перед ним с виноватым видом, а потом — как ребёнка там оставить? Снова в тот сарай?

— Тётушка сына любит, а Гуанцзун напуган до смерти. Он теперь и вправду в город ни ногой, — уверенно сказал Чжоучжоу. — Сяньгун, так как же им тогда поступить?

— Если хотят душу отвести — пусть идут к трактиру, где Ли Чжэнжэнь работает. И там, при народе, пусть Лю Хуасян кричит во весь голос: как деверь заставлял племянника в мороз в сарае спать, как по лицу бил, как зерно у брата за бесценок брал! Пусть только кричит и не слушает его оправданий. Прокричалась — и прочь из города. А если деньги нужны — тут хитрость нужна. Идти к дому брата и плакать. Рассказывать всем встречным, какой Гуанцзун бедный, как бежал в метель, как занемог теперь и при смерти лежит... Молить стариков о пощаде, просить вернуть те сто вэней «на лекарства», ведь они столько лет верой и правдой дешёвое зерно возили...

Гу Чжао изложил оба пути.

— Второй путь зависит от того, осталось ли хоть каплю совести у твоих дедушки с бабушкой. Ли Чжэнжэнь может и не отдать, если совсем бесстыжий, но скорее всего — вернёт. Он ведь и впредь надеется на дешёвый рис от брата. Завтра поговори с Син-гэ'эром, пусть передаст родителям. Хотят денег — пусть плачут и прибеждаются. А если станут ругаться — только обиду и страх из города привезут.

Чжоучжоу кивнул, соглашаясь.

— Спи, — Гу Чжао нежно коснулся губ мужа. Он знал, что Чжоучжоу всё ещё беспокойно... Но время придёт.

Наутро Чжоучжоу едва успел проглотить завтрак и поспешил к Син-гэ'эру, пока дядя с тётей в путь не пустились. Семья Ван сидела в горнице у печи. Увидев гостя в такой ранний час, они поняли — дело серьёзное. Син-гэ'эр увёл друга на кухню.

— Что?! Гуанцзун вернулся? — Юноша едва миску не выронил.

Чжоучжоу вкратце пересказал вчерашнее.

— Я боюсь, что дядя с тётёй в городе в беду попадут. Сяньгун мне ночью всё разъяснил... — И он передал слова мужа.

Син-гэ'эру кусок в горло не шёл.

— В голове всё перемешалось... Иди со мной, надо самим всё увидеть!

Бросив недоеденный завтрак, он крикнул свекрови, что на минутку заглянет к матери, и они с Чжоучжоу поспешили прочь. Свекровь только головой покачала: «Что это с Лю Хуасян приключилось? Вроде всё ладно было, сына в город пристроила, сама сияла от счастья...»

Они успели вовремя — Ли Эр как раз выводил волов. Лю Хуасян всю ночь глаз не смыкала от злости. Грудь сдавливало от гнева, голова раскалывалась. Она всё попрекала мужа: «Мы перед ними стелились, заискивали, надеялись, что сына в люди выведут! И что теперь?!»

Деревенские-то за спиной посмеивались, что семья Второго Ли к городским богачам подлизывается. Женщина терпела всё ради сына. А теперь сына обидели, избili...

— Коль ты не мужик — я сама пойду в город правду искать! — кричала она на мужа.

Ли Эр и сам был вне себя. Столько лет они отдавали зерно за бесценок, столько добра перевели... Как ни крути — он старший брат, он имеет право спросить с младшего! Перекусив на скорую руку, они уже собрались ехать. Син-гэ'эр бросился к матери:

— Матушка, не ездите пока!

Лю Хуасян, завидев за спиной сына Чжоучжоу, поняла, что тот уже всё разболтал.

— Как это — не ехать? Твоего брата избili, а мы должны молчать? Тебе что, лень будет Гуанцзуну обед сварить, пока нас нет? Он твой родной брат, неужто у тебя совсем совести нет?

Син-гэ'эр хотел как лучше, он за родителей боялся, брата жалел... А мать на него с упрёками накинулась. Обида захлестнула его:

— Езжайте! Кто вас держит? Пусть у меня совести нет! Коль в городе вас в управу заберут — мне дела нет! Раз я в семье Ван «отрезанный ломоть», так и живите как знаете!

Юноша развернулся и ушёл, глотая злые слёзы. Вечно так: пока дело не касается Гуанцзуна, мать к нему добра — и ленты новые купит, и одежду с вышивкой справит, и ласковым словом пригреет. Но стоит только младшему брату встрять — всё, Син-гэ'эр на второй план уходит. Сколько раз бывало: Гуанцзун напраказит, в реку полезет, а виноват старший брат — недоглядел, простудил... Даже лекарства он допивал за ним те, что оставались.

Син-гэ'эр порой ненавидел брата, обижался на мать. Но стоило грозе пройти — Гуанцзун тащил ему дикие абрикосы из лесу, мать жарила яичницу... Семья, что тут скажешь. А теперь он прибежал на помощь, а его и слушать не стали. Вернувшись домой, юноша заперся в комнате и расплакался на груди у мужа, Шитоу.

Лю Хуасян только фыркнула вслед сыну. Ли Чжоучжоу быстро пересказал советы Гу Чжао. Обычному человеку она бы ответила резко, но племянник вчера помог её сыну, так что женщина дослушала до конца, хоть и не поверила.

— Братья мы, одна кровь! Неужто Ли Чжэнжэнь на родного брата в управу заявит? Не бывать такому! — В деревне отродясь такого не слышали, чтобы из-за семейной ссоры к судье шли. К тому же, это её сына избили! — Деньги те я отдала, какая же это кража?

Она голос повысила:

— Я ему сто взней скинула! Гуанцзун своё взял, ещё и должен остался! Я всё до копейки заберу и деверю всё выскажу!

Не дав Чжоучжоу и слова вставить, она запрыгнула в повозку, и волы медленно потянули её к городу. Чжоучжоу вернулся домой ни с чем. Сяньгун встретил его в горнице:

— Весь зазяб, лицо посинело. Иди скорее есть, согрейся.

Он взял руки мужа в свои, согревая. Чжоучжоу стало теплее на душе. Пока он ел кашу, муж спросил мягко:

— Не послушали тебя, верно?

— Сяньгун, откуда ты знаешь?

— По лицу твоему вижу, — Гу Чжао усмехнулся. — Наверное, я зря ждал, что они по-моему поступят. У деревенских свои правила, свой уклад. Как бы в деревне такое дело решили?

— Ну... Коль кто ребёнка чужого ударил — тот и виноват. Родители идут к нему в дом, кричат, правду ищут. Коль за ними истина — могут и плату за обиду потребовать, — ответил Чжоучжоу.

Вот и Лю Хуасян так думала. За ней — правда, сын побит, деньги отобраны, зерно отдано почти даром. Она и кричать умеет, и ругаться — чего ей бояться?

— В деревне поорут и разойдутся. Коль братья ссорятся — к старосте идти стыдно, сор из избы выносить... — добавил Чжоучжоу.

Родная кровь всё же. К старосте идти — значит, совсем мосты жечь. А про управу деревенские и помыслить не могут — для них это край земли.

— Вот видишь. Управа в городе под боком. Ли Чжэнжэнь может и просто припугнуть, но если они совсем его прижмут — он и вправду может стражников позвать. Для городских это дело привычное. Не тревожься, ты их предупредил. Коль увидят, что дело плохо — убегут, — успокоил его Гу Чжао.

На том и порешили. После полудня заглянул Син-гэ'эр. Хоть он и грозился «не помогать», а сердце болело. Узнав, что Чжоучжоу передал все советы, он только вздохнул: «Будь что будет». Зная нрав матери, он надеялся, что совсем уж в беду она не попадёт.

Настал праздник Юаньсяо — пятнадцатое число первого месяца.

В доме Ли наварили праздничных шариков-юаньсяо с начинкой из сахара и кунжута. Чжоучжоу отнёс миску Гуанцзуну. Тот уплетал обед за обе щеки — Син-гэ'эр всё же пришёл и накормил брата.

— Брат, ты самый лучший!

— Ешь давай, а то мать вернётся — скажет, голодом тебя морю, — проворчал Син-гэ'эр.

— Она и твоя мать тоже, — хихикнул парень. — Гляди, я в городе видел, какие ленты городские гэ'эры носят. Я тебе на свои деньги купил, не на те, что у тётки взял!

Гуанцзун вытащил из кармана ленту и протянул брату. Син-гэ'эр едва не расплакался.

— Глупый ты... Нет бы себе еды купить, под горячую руку той ведьме подвернулся... Ладно, ешь, а то остынет.

Мальчик снова принялся за еду и признался:

— Пока отец с матерью там были, меня не обижали. Кормили сносно. Я и пошёл гулять, увидел ленту — и сразу о тебе подумал. Это потом уже голодать начал, пожалел, что деньги потратил...

Старший брат только легонько пнул его под столом. Чжоучжоу принёс юаньсяо, и парень, едва доев рис, принялся за вторую миску. «Надо было и брату Чжоучжоу ленту купить», — мелькнуло у него в голове. Теперь он понял: дядюшка и Чжоучжоу ему куда роднее. Раньше родители всё твердили — мол, Ли Чжэнжэнь человек большой, выучит его, а Ли Да только землю пахать горазд... Теперь Гуанцзун знал цену этим словам.

Как и предсказывал Гу Чжао, поездка в город обернулась для Ли Эра и Лю Хуасян позором. Ли Чжэнжэнь так всё перевернул, что они едва не лишились чувств от возмущения. Старики тоже подлили масла в огонь, проклиная «непочтительных детей». Лю Хуасян сорвалась на крик, стала браниться как последняя торговка, и городские соседи только укрепились в мысли — приехала жадная деревенщина, житья от них нет. Дело едва не дошло до управы. Стоило Ли Эру увидеть стражников с саблями — он припустил к волам так, что пятки сверкали. Они и не знали, что стражники просто патрулировали улицу, а деверь, будучи с ними знаком, просто попросил их показаться — «припугнуть деревенскую родню» за кувшин вина.

Родители Гуанцзуна вернулись ни с чем. Сердце в груди колотилось от страха даже тогда, когда городские ворота остались далеко позади.

— Ли Чжоучжоу был прав, — со вздохом произнёс Ли Эр.

Лю Хуасян разрыдалась в голос:

— Гляди, какой брат у тебя — волк в овечьей шкуре! Ведь и вправду хотел тебя, родного брата, в темницу бросить! А я-то не верила племяннику... Коль мы бы в тюрьму попали — что б с Гуанцзуном стало?

Ли Эр молчал, лицо его было серым. Он тоже не верил до последнего. Как ни крути — он старший брат, родители хоть и пристрастны, но истина-то за ним была! Он ведь своё требовал! А в итоге — оплётан, обруган и назван неблагодарным сыном.

Пока они ехали, снег начал таять, выглянуло солнце. Но на душе у обоих, а особенно у Ли Эра, было холодно. Кто бы мог подумать... Десять лет возили зерно, а в итоге заслужили лишь клеймо «непочтительных».